

Функции летаргического сна в романе Саши Филипенко *Бывший сын*

NATALIA KRÓLIKIEWICZ

ORCID: 0000-0002-3083-8774

Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu

Abstact: The aim of this article is to analyze the condition of the contemporary state of Belarusian society as depicted in Sasha Filipenko's novel *Former Son*. The motif of the protagonist's lethargic sleep, functioning on multiple levels within the literary text, serves as a tool to illustrate social apathy, reveal its underlying causes, and explore the mechanisms behind its emergence. Additionally, the article examines the consequences of emotional and intellectual paralysis within the context of Belarusian reality. The analysis emphasizes the universality of issues related to totalitarian and post-totalitarian societies, portraying them through the metaphors of sleep and coma.

Abstrakt: Celem artykułu jest analiza stanu współczesnego białoruskiego społeczeństwa, przedstawionego w literackim świecie powieści Sashy Filipenki *Były syn*. Motyw letargicznego snu głównego bohatera, funkcjonując na różnych płaszczyznach w tekście literackim, służy między innymi jako narzędzie do ukazania społecznej apatii, wyjawienia jej przyczyn i mechanizmów powstawania. Przedstawia również konsekwencje emocjonalnego i intelektualnego paraliżu w kontekście białoruskiej rzeczywistości. W tekście podkreślono uniwersalność problemów totalitarnej i posttotalitarnej rzeczywistości, ukazując je przez metaforę snu i śpiączki.

Key words: Sasha Filipenko, *Former Son*, lethargic sleep, coma, Belarus

Słowa kluczowe: Sasza Filipienko, *Były syn*, sen letargiczny, koma, Białoruś

Сон в различных своих проявлениях (в том числе и летаргический) нередко становится основой художественных произведений. Однако его роль и функции могут меняться в соответствии с исторической эпохой и господствующим мировоззрением, а также конкретной задачей автора, выполняя при этом как сюжетные, так и символические функции в литературном пространстве.

Восходя к мифологии и фольклору мотив летаргического сна часто становится символом перехода между жизнью и смертью, реальностью и потусторонним миром. Романтизм и литература Серебряного века развивает названную тему, тем самым дополняя значение летаргического сна состоянием душевного кризиса, возрождения или глубокой внутренней трансформации

героя. В XX веке функция летаргического сна в художественном тексте представляется многоплановой: от метафоры психологической травмы или социальной изоляции до приема, позволяющего автору исследовать темы бессознательного, памяти и забвения.

Цель данной статьи – провести анализ состояния современного белорусского общества, представленного в литературном пространстве романа Саши Филипенко *Бывший сын*. В связи с обозначенной целью важной представляется задача исследовать летаргический сон главного героя, принимая во внимание функции и особенности названного структурного элемента произведения. Следует также выявить причины и механизмы формирования социальной апатии и показать каковы последствия эмоционального и интеллектуального «паралича» в контексте белорусской действительности.

Исходя из поставленной цели и задач в статье применяется комплекс методов необходимых для реализации исследования: литературоведческий с элементами психологического, а также историко-культурный. В рамках теоретической базы для данного анализа в большей части были использованы работы, посвященные литературным сновидениям, а не сну вообще. В настоящей статье функции литературного сна рассматриваются согласно наиболее приемлемой, на наш взгляд, классификации, которая была предложена швейцарским историком литературы Альбертом Бегеном. Ученый подчеркивает, что «сон в литературе исследуется, как 1) средство изображения внутреннего мира героя, его психологии; 2) элемент текста; 3) часть внутреннего мира произведения, во многом определяющая характер художественной реальности» (Béguin, 1937).

В связи с тем, что автор анализируемого романа недостаточно известен европейскому читателю целесообразным будет краткое представление писателя. Саша Филипенко – белорусский писатель и журналист, эмигрировавший по политическим причинам сначала в Россию, а затем в Европу. После протестов, последовавших за президентскими выборами 2020 года, стал одним из голосов белорусского протестного движения в Европе. В его литературном наследии на сегодняшний момент **семь романов** на русском языке: *Бывший сын* (2014), *Замыслы* (2015), *Травля* (2016), *Красный крест* (2017), *Возвращение в острог* (2019), *Кремулятор* (2022) и *Слон* (2025). Талант писателя был отмечен престижными литературными премиями не только в России («Русская премия» 2014 г., «Большая книга» 2016 г., «Ясная поляна» 2020 г.), но и в Европе („Transfuge” 2024 г.¹, „ProLitteris” 2024 г.²).

Затрагивая в своих произведениях злободневные социально-политические вопросы, Филипенко часто предлагает читателю самостоятельно провести современные параллели, попытаться осознать последствия произошедшего или происходящего и осмыслить будущее. Но независимо от того,

¹ Французская литературная премия.

² Швейцарская литературная премия.

погружается ли «камера» писателя в эпоху массовых репрессий Советского Союза (*Красный крест*, *Кремулятор*) или в постсоветское общество, основанное на страхе и тирании, не защищающее свободы и плюрализм (*Бывший сын*, *Травля*, *Возвращение в острог*), в центре «объектива» писателя всегда остается человек. Человеческая личность у Филипенко часто подвергается своеобразному испытанию на «прочность», что помогает понять, сколько может выдержать человек (Филипенко, 2017).

Дебютное произведение вышеназванного автора *Бывший сын* на русском языке было опубликовано в 2014 году, а хронотоп романа охватывает 12 лет с 1999 по 2011 год. Необходимо заметить, что, несмотря на прошедшие уже одиннадцать лет, произведение по-прежнему остается остроактуальным, резонируя с белорусской действительностью.

Сюжет книги основан на реальных событиях и начинается с ужасной давки в подземном переходе на станции метро Немига в центре Минска, где толпа людей старалась скрыться от дождя (Филипенко, 2017). В результате трагедии погибли десятки человек, а главный герой Франциск Лукич (или Циск как называют его друзья) впал в кому на 10 лет. Врачи не оставляют никаких надежд на исцеление подростка, называя его «овощем», «трупом». И только бабушка Эльвира Александровна, вырастившая и воспитавшая Циска, твердо верит, что внук выйдет из комы. Практически весь роман посвящен долгой и трогательной истории заботы бабушки о своем внуке, находящемся в летаргическом сне на фоне страны, в которой, как замечает один из врачей, ничего не меняется:

... мы живем в лучшей для людей, выбирающихся из комы, стране. Здесь ровным счетом ничего не меняется. Нет разницы, сколько они пробудут в коме. Месяц, несколько лет, вечность...

— Когда они придут в себя, все вокруг будет точно таким же, как в тот день, когда с ними случилась беда. Столь быстрое выздоровление Лукича я могу объяснить исключительно этим. Все дело в том, что у нас время замерло. Он открывает глаза там же, где когда-то закрыл их (Филипенко 2014).

Циск выходит из комы, к сожалению, лишь после смерти Эльвиры Александровны. После выздоровления Франциск переживает еще одно «пробуждение», но уже политическое. В надежде на новую, свободную Беларусь он участвует в стихийных, жестоко подавленных протестах против фальсификаций на выборах 2010 года, когда на улицы вышли десятки тысяч человек. Это очередное реальное и знаковое событие для современной Беларуси. В итоге Франциск, так и не нашедший себя и собственную идентичность, потерявший друга и новую любовь (девушку), принимает решение покинуть родную страну.

Нельзя не отметить, что летаргический сон главного героя является буквальной и метафорической основой произведения. Так, кома Циска становится центральным событием, выполняющим сюжетообразующую

функцию. Это позволяет запустить повествование и в тоже время способствует раскрытию образа главного героя. Обращает на себя внимание имя парня, которое отсылает читателя к белорусскому первопечатнику, философу и гуманисту Франциске Скорине. Циск, вероятно унаследовавший от своего выдающегося тезки любовь к родной земле и языку, также задумывается о своей идентичности. Поэтому в лицее, где учится Франциск на виолончелиста, он ведет серьезные разговоры с друзьями после встречи с «неправильным» ветераном, которого пригласили в школу для беседы о войне. Вместо давно отработанного сценария произошел полный коллапс и ветеран, как оказалось не воевавший с германцами и пришедший на встречу без орденов, поведал о совершенно другой войне: «Война наша была грязная, мерзкая и похабная, потому что война эта, ребята, была по сути гражданская» (Филипенко, 2014). Оказывается, что белорусская «партизанка» была совсем не той плакатно-героической, коммунистически-идейной (Букчин 2013), а совершенно иной:

Это самая страшная была война. Потому что врагами были не только германцы, но и свои... Но и свои, понимаете? Лично я никогда никого не винил. Когда начинается война, тебе всегда предоставляется шанс выбрать сторону или остаться в стороне, или хотя бы попытаться остаться в стороне. Я вам, ребята, так скажу: если, не дай бог, когда-нибудь начнется война, вы сядьте и хорошенько подумайте: за кого вам воевать и воевать ли вообще! Решать будут большие дяди, которым самолетами будут поставлять свежие фрукты, а погибнете вы – очень быстро и всего один раз погибнете. Поверьте мне, я видел, как погибают люди – не бывает у них вторых жизней. Поэтому всегда, всегда-всегда думайте! Хорошо думайте! Много (Филипенко 2014)!

В словах «неправильного» ветерана нельзя не заметить трагических параллелей с текущей преступной войной против Украины, которую начала Россия и в которой убиты уже сотни тысяч солдат и десятки тысяч мирных жителей (в том числе почти 1000 детей).

Возвращаясь к литературному тексту, Франциск пытается найти ответы на вопросы, касающиеся его личной идентичности. Начитанный и помнящий о своих корнях Циск часто переходит с русского на белорусский язык, вызывая тем самым недоумение одноклассников. Однако юноша, которому нравится белорусский язык, отстаивает свое мнение: «Я хочу чем-то отличаться от других. Потому что мне не хочется говорить на языке людей, которых однажды прислали сюда в качестве надзирателей» (Филипенко, 2014).

Возможно, что «все белорусское во Франциске, как и имя его, это от бабушки» (Букчин, 2013). Можно предположить, что благодаря образованной Эльвире Александровне, стремящейся передать память о своих корнях внуку, Франциск так много знает о репрессиях, о расстрелах белорусской интеллигенции, об упадке белорусской культуры и языка:

Перейди детскую железную дорогу, зайди в парк и посмотри сколько людей в начале века расстреляли только за то, что они говорили на своем языке! Ты просто представь себе всех этих людей! Просто представь что они были, а потом в один день их расстреляли. Расстреляли наши дорогие братья. Расстреляли не за кражи, не за убийства, не за разбои, но только за то, что они говорили на своем родном языке (Филипенко 2014).

Необходимо подчеркнуть, что фигура бабушки — это центральный образ романа. После трагического происшествия только Эльвира Александровна верит в исцеление внука, даже мать Франциска больше занята своей собственной жизнью, заводя роман с главврачом больницы, в которой лежит ее сын (тем самым Франциск, ничего не подозревая, обретает отчима). Бабушка, практически переселившись в больничную палату, читает Циску книги, ставит ему любимые музыкальные записи, разговаривает с ним, пытаясь чем-то заинтересовать, удивить, разбудить внука, передать ему память о том, что главное. Огромная любовь Эльвиры Александровны к внуку, ее трогательная забота о нем способны вылечить и пробудить не только Франциска, но, как может казаться, и целую страну из глубокого сна.

Нельзя не обратить внимание на метафорически насыщенный момент в романе — это пробуждение главного героя после длительного летаргического сна, которое почти совпадает со смертью его бабушки, Эльвиры Александровны. В художественном измерении текста этот эпизод можно прочесть как аллгорию смены поколений, как метафорическую передачу эстафетной палочки между старой и новой Беларусью. Эльвира Александровна символизирует Беларусь старшего поколения: приверженную порядку и традициям, однако, не решившуюся — изменить систему. Тогда, пробуждение Франциска можно рассматривать как акт возможного пробуждения общества.

Образ неподвижно лежащего тела главного героя может апеллировать к традициям Франца Кафки, в произведениях которого государственная система предстает абсурдной и бесчеловечной. А художественный мир автора Процесса полон тревог, ощущения вины и бессилия перед системой. Так, в романе Филипенко тоталитарная бюрократическая система, воплощенная в неживом колоссе (неподвижность тела как институциональная стагнация), подавляет все живое, отказывается от каких-либо перемен, не стремиться к развитию (скорее наоборот, это движение в прошлое), а действия становятся механичными (Посохин). Франциск лежит в коме, а вся система — больница, чиновники, общество — словно существует вокруг него в замороженном, парализованном состоянии. Иллюстрацией современных белорусских реалий могут послужить стены палаты, увешанные вырезками из газет и журналов. Вот только некоторые из них:

Паводле афіцыйных звестак прэзідэнт набірае 75 працэнтаў галасоў выбарнікаў», «Начинается акция протеста против строительства кольцевой дороги на месте захоронения жертв репрессий», «Власти взяли контроль над основными литературными изданиями и назначили новых руководителей редакций», «Лиса ранила охотника из его же ружья», «Независимая газета прекращает свое существование из-за огромного штрафа», «Разрушение древних гигантских статуй Будды», «Па вяртанні з замежжа памірае першы пісьменнік краіны. Яго пахаванне ператвараецца ў грамадзянскую акцыю», «Министерство образования ликвидирует Национальный гуманитарный лицей. В столице не остается школ, ведущих преподавание на родном языке», «Через референдум президент получил право баллотироваться на пост главы государства больше чем два раза», «В Палату Представителей не проходит ни один представитель оппозиции», «Власти закрывают гуманитарный университет... (Филипенко 2014).

Из вышеприведенного коллажа цитат можно заметить как консолидация авторитарного режима сопровождается сужением поля деятельности гражданского общества и негосударственных СМИ и повышением степени репрессивности государства. Стоит подчеркнуть, что летаргический сон Циска, исполняя композиционную роль, помогает восстановить специфику белорусской действительности. Так, посетители, которые навещают провалившегося в кому Циска, рассказывают что происходит вокруг. Тем самым, читатель знакомится с противниками и сторонниками диктаторского режима, со «своими» и «чужими», с сильными личностями и жертвами. Своих (противников, оппозиционеров) будет немного, это друг Стас и немецкие «родители» Циска, которые усыновили его много лет назад, когда он был ребенком Чернобыля. Так, в замечаниях германтов палата, в которой лежит Франциск, представляется своеобразным (хорошо известным в литературе) метафорическим образом, но в этом случае не «старшего» брата (России), а Беларуси и белорусского общества: убогость, необходимость «ремонта» (смены власти), нехватка «свежего воздуха» (свободы слова), отсутствие перспектив (дальше будет только хуже – диктатура Лукашенко) и огромное количество полицейских, пограничников, таможенников, которые движутся в обратном направлении, в прошлое, а не в будущее. Белорусское общество: серое, холодное, мраморное, не улыбающееся, пассивное, без настроения и без жизни (вегетативное состояние – летаргическое).

Друг Стас, единственный из всех друзей, который регулярно два раза в неделю навещает Циска, продолжает зарисовывать картину безумия и беззакония в стране «бульбаноидов»:

Людей сажают, как... даже не знаю... такое ощущение, что какой-то агроном перепутал всех людей с картошкой и теперь вот окучивает всех и сажает, окучивает и сажает. Может быть, когда ты очнешься все и поменяется, но сейчас, мой тебе совет – не просыпайся! Спи! Нет, я серьезно! Лучшие спи! Иначе скажешь что-нибудь не то, и тебя посадят сразу или избыют перед

подъездом. Других вариантов в этой стране не бывает. Либо молчишь, либо получаешь. Вся страна спит, так что и ты спи спокойно! (Филипенко 2014).

В свою очередь, лечащий врач и одновременно отчим Циска – циничный человек, рассыпающийся в комплиментах вечно действующему президенту и идущий на компромисс с режимом. Абсолютно не верящий в выздоровление Циска, он использует «чудо» исцеления мальчика в своих собственных корыстных целях (написание диссертации).

Таким образом, мотив летаргического сна используется для раскрытия психологического образа не только главного героя, но и всех, связанных с ним фигур. Причем необходимо подчеркнуть, что сделано это динамично, с особым, присущим Филипенко стилем, что способствует вовлеченности и активизации самостоятельной работы читателя.

Одним из художественных приемов, определяющих поэтику романа, становится намеренное отсутствие прямого упоминания страны, города, фамилий (президента или других известных персон) или мест, в которых разворачивается действие. Такое решение, с одной стороны, может активизировать интерпретативную деятельность читателя, побуждая его самостоятельно «прочитывать» и «опознавать» реальности за текстом. Благодаря множеству контекстуальных аллюзий – на политические события, бюрократическую систему, культуру телевидения – становится очевидным, что речь идет о Беларуси. Однако стоит отметить игру, которую ведет автор не прямым, а художественно завуалированным способом. Так, неназванная страна (у Кафки в *Процессе* также нет привязки к местности) (Россия в том числе – старший брат) в романе становится метафорой несвободы, а молчание об имени – способом сказать больше, тем самым способствуя универсализации ситуации, опыта, характерного для многих авторитарных (в том числе постсоветских) государств. И, с другой стороны, такое художественное решение может корреспондировать с ощущением тотальной обезличенности системы (власть – безлика, общество – безмолвно, страдание человека – невидимо) (Посохин, 2021: 260).

Более того, как можно заметить, аллегория летаргического сна (в которой находится и главный герой, и вся страна) проходит своеобразной красной нитью через все произведение, представляя атмосферу и выявляя причины, по которым люди становятся бывшими детьми своей страны. Быть бывшим – это не только потеря родителей (как в случае с Франциском, воспитывавшийся без отца бабушкой, мальчик свыкся с этим). Это понятие можно воспринимать, как справедливо замечает исследователь Семен Букчин, как метаметафору – «не внутреннюю, но вполне космическую драму молодого человека (или шире поколения), страстно желавшего быть белорусом, жить на своей родине и утратившего и себя, и свои надежды» (Букчин 2013). Они не соглашались на откат в прошлое, на советскость и культивирование стабильности в идеологии режима. Чувствующие себя

бывшими детьми своей страны дочери и сыновья вынуждены эмигрировать, покидать свой дом.

Художественной иллюстрацией вышесказанному (и перекликаясь одновременно с финалом романа) может послужить фрагмент текста, в котором приведен отрывок из стихотворения Молитва Натальи Арсеньевой, являющегося, в свою очередь, гимном послевоенной белорусской эмиграции:

Улетали птицы. Без виз и штампов в паспортах. Вместе. По предварительному сговору. Они пролетали над разбитыми трамвайными путями, площадью Победы и навечно застывшим колесом обозрения. Над серым Домом офицеров, нулевым километром и роддомом, в котором когда-то родился Циск. Над зданием госбезопасности, Главпочтамтом и Красным Костелом, где совсем еще юная, заплаканная переводчица шептала единственную известную ей молитву: – Магутны Божа! Ёўладар сусьветаў, вялікіх сонцаў і сэрц малых, над нашай краінай, ціхай і ветлай, рассып праменьне свае хвалы... дай спор ў працы, будзённай, шэрай... на хлеб штодзённы... на родны край, павагу, сілу і веліч веры у нашу праўду, у прышласьць – дай! Дай урадлівасьць жытнёвым нівам, учынкам нашым пашлі ўмалот... зрабі магутнай, зрабі шчаслівай краіну нашу і наш народ! (Филипенко, 2014).

Подытоживая, следует заметить, что мотив летаргического сна обыгрывается в художественном пространстве на разных уровнях. Выполняя психологическую функцию, способствует более полному раскрытию внутреннего мира не только главного героя, но и второстепенных персонажей, композиционно связанных с впаавшим в кому Франциском. Будучи также центральным событием романа, определяет характер художественной реальности, символизируя отсутствие перемен в стране. Коматозное состояние не только запускает повествование, но и отражает специфику и реалия белорусского общества, пребывающего в замороженном, застойном состоянии (Шафранская, 2021: 98), где ничего не меняется, где все повторяется, что подчеркивает актуальность произведения. Роман Бывший сын Саши Филипенко представляет собой глубокий анализ общественной апатии в белорусском (и более широко — постсоветском) контексте. Автор показывает, что коллективная пассивность — не просто следствие политической системы, а результат долгосрочных исторических процессов, закрепляющих в сознании людей модель бездействия и страха перед переменами.

Однако главный герой пробуждается (не только в физическом значении этого слова). Поэтому, вероятно, возможно и пробуждение общества (протесты 2020 года), выход из летаргического сна — это момент возможности, (но не гарантии), возможности продолжить путь, освободившись от летаргии, переосмыслив, проработав прошлое. Автор оставляет эту надежду в рамках открытого финала, предлагая читателю самому ответить: готова ли Беларусь проснуться?

Bibliografia

- Béguin, A. (1937). *Dusza romantyczna i marzenie senne: Esej o romantyzmie niemieckim i poezji francuskiej* (T. Stróżyński, Trans.).
- Bukčín, S. (2013). Drama byvšego syna – recenzja na roman Saši Filipenko *Byvšij syn*. Retrieved April 8, 2025, from <https://books.vremya.ru/main/3281--ecenziya-na-roman-sashi-filipenko-byvshiy-syn.html> [Букчин, С. (2013). «Драма бывшего сына» – рецензия на роман Саши Филипенко *Бывший сын*. Retrieved from <https://books.vremya.ru/main/3281--ecenziya-na-roman-sashi-filipenko-byvshiy-syn.html>]
- Filipenko, S. (2014). *Byvšij syn* [*Бывший сын*]. WebKniga (PDF). Retrieved December 20, 2024, from http://www.belousenko.com/books/filipenko/filipenko_syn.pdf
- Filipenko, S. (2017). Istoričeskij roman — vse ravno o nas i o našem vremeni. Interview with Alena Georgieva. Retrieved March 12, 2025, from <http://books.vremya.ru/main/5486-sasha-filipenko-istoričeskij-roman-vse-ravno-o-nas-i-nashem-vremeni.html> [Филипенко, С. (2017). Исторический роман – всё равно о нас и о нашем времени. Интервью писателя с Алёной Георгиевой. Retrieved from <http://books.vremya.ru/main/5486-sasha-filipenko-istoričeskij-roman-vse-ravno-o-nas-i-nashem-vremeni.html>]
- Filipenko, S. (2019). 20 let nazad v davke v centre Minska pogibli 53 čeloveka: Pisatel' Saša Filipenko ob'asnjaet, kak eti sobytia izmenili Belorussiū. Interview by D. Kartsev. *Meduza*. Retrieved March 28, 2025, from <https://meduza.io/feature/2019/05/30/20-let-nazad-v-davke-v-tsentre-minska-pogibli-54-cheloveka-pisatel-sasha-filipenko-ob-yasnyaet-kak-eti-sobytiya-izmenili-belorussiyu> [Филипенко, С. (2019). 20 лет назад в давке в центре Минска погибли 53 человека: Писатель Саша Филипенко объясняет, как эти события изменили Белоруссию. Интервью писателя интернет-изданию *Медуза*. Записал Дмитрий Карцев.]
- Moskwin, A. (2019). *Literatury białoruskiej rodowody niepokorne*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Posokhin, I. (2021). The alienated homeland in Sasha Filipenko's *The Former Son*. *NuBE*, 2, 251–274.
- Posokhin, I. (2025). Nekotorye aspekty recepcii prozy Saši Filipenko i Viktora Martinoviča v Zapadnoj i Central'noj Evrope. Retrieved April 15, 2025, from <https://media.fupress.com/files/pdf/24/14070/38609> [Посохин, И. (2025). Некоторые аспекты рецепции прозы Саши Филипенко и Виктора Мартиновича в Западной и Центральной Европе. Retrieved from <https://media.fupress.com/files/pdf/24/14070/38609>]
- Šafranskaâ, È. (2021). “Malen'kij čelovek” vs “der'movyy čelovek”: Èvolûciâ tradicionnogo literaturnogo tipa v rasskaze Saši Filipenko. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ: Filologîâ*, 1(68), 98–104. [Шафранская, Э. (2021). «Маленький человек» vs «дерьмовый человек»: эволюция традиционного литературного типа в рассказе Саши Филипенко. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*, 1(68), 98–104.]